

Глава 4

Адъютант был озадачен и не скрывал своего недоумения:

— Разве у Винсента нет возлюбленной омеги? Слышал, они совсем недавно обручились.

Тиат не шелохнулся. Он пристально изучал рану Лайл, словно проводил некую оценку. В том самом месте, где у альф и омег обычно располагается железа, у неё зияло месиво из развороченной плоти.

После нескольких секунд такого оцепенения Лайл, приняв волевое решение, благоразумно упала в обморок. В конце концов, если ты напугана до такой степени, потеря сознания выглядит единственным логичным выходом.

Падая, она с последним проблеском упрямства ухватила рукой за штанину Тиата. Он слегка дёрнул ногой, и её рука, мертвой хваткой вцепившаяся в ткань, качнулась вместе с ним, словно конечность марионетки. Пальцы были неестественно белыми и застывшими. Когда Тиат стряхивал её, пришлось приложить некоторое усилие, но для альфы эта тяжесть была ничтожной — как если бы его укусил крошечный жучок. А для неё это было всё равно что ухватиться за соломинку, спасающую от гибели.

Пф.

Жалкая и никчёмная бета, только брюки ему помяла.

Лайл не знала, о чём он думает. Её дыхание было ровным, и, почувствовав, что её куда-то несут, она по-настоящему провалилась в сон.

Очнувшись она уже глубокой ночью. Лайл лежала на узкой и жёсткой койке; на железной тумбочке рядом стояли стакан воды и два куска белого хлеба. Стены освещала лишь тусклая белесая лампа, заливавшая пространство мертвенным светом. Если бы не узор из роз, выгравированный на железных прутьях решётки, Лайл почти поверила бы, что снова оказалась на какой-то экспериментальной базе.

Изображая страх и растерянность, она украдкой осмотрела углы комнаты и обнаружила в правом верхнем углу едва заметный огонёк камеры.

Адъютант и Тиат в этот момент наблюдали за каждым её движением через монитор.

Она выглядела измученной жаждой, но не решалась притронуться к воде. Словно несмышлёное животное, изнывающее от пересохшего горла, она послушно сидела на краю кровати, пожирая стакан голодным взглядом. Эта бета по имени Лайл не ела весь день и, должно быть, была ужасно голодна. Она смотрела на куски хлеба снова и снова, но не тянула к ним руки, словно дожидаясь чьего-то разрешения.

Адъютант, выросший в благородной семье, никогда не видел ничего подобного. Он сверился с данными, полученными из внутренней сети, и в очередной раз убедился: Лайл — подопытный объект, сбежавший с базы. Его прошибла жалость, и он сказал Тиату:

— Возможно, она просто несчастная бета без документов, которую Винсент приметил и насильно увёз.

Тиат не стал утверждать обратное:

— В записях сказано, что она пропала три дня назад.

— Если с базы пропадает подопытный, военные тут же вмешиваются, проводят тотальные обыски, чтобы убедиться, что Винсент не лжёт, — продолжал объяснять адъютант. — Проверяют всё — от людей до последней булавки. Винсент держал её спрятанной на базе, никто о ней не знал. Но в такой ситуации скрыть её невозможно. — Адъютант поправил на переносице серебристые очки и поджал губы. — У каждого подопытного есть своя история, а эта... она словно из ниоткуда появилась. Слишком уж всё удачно совпало. Полагаю, Винсент специально позволил ей сбежать.

— Отпустил, чтобы потом передумать и снова поймать? — уточнил Тиат.

Адъютант кивнул. Тиат поднял руку, пресекая дальнейшие рассуждения:

— Твоя логика опасно кренится в сторону. Продолжишь в том же духе, и я начну сомневаться в твоей профессиональной пригодности. — Тиат указал пальцем в сторону его виска. — Я начну сомневаться, что с твоим мозгом всё в порядке.

Человек в камере не двигался. На экране монитора картинка казалась застывшей.

— Допустим, твоя догадка верна, но что с того? — Он сложил руки на груди, скрестил ноги и рассуждал с холодным спокойствием, как будто оценивал товар на витрине. — У беженцев без регистрации нет прав, а у таких бесполезных бет — и подавно. Если Винсент её хочет, после завершения расследования мы просто вернём её ему.

Адъютант был ошеломлён. Его рот приоткрылся, он выглядел слегка заторможенным.

— Я думал... я думал, вы привезли её, чтобы... — он замялся, не в силах подобрать слова.

Он думал, что Тиат забрал её, чтобы спасти. Адъютант считал его хорошим человеком, ведь тот хранил глубокую верность Его Высочеству Уинтону. Несмотря на груды накопившихся государственных дел, Тиат лично пришёл среди ночи наблюдать за Лайл. Адъютант понимал, почему тот придаёт этой бете такое значение: она слишком нарочито имитировала облик Уинтона. У любимого человека господина Тиата, почтенного Уинтона, были длинные платиново-золотистые, как лунный свет, волосы и ярко-голубые глаза.

Причина, по которой Тиат досконально изучил её биографию и всё ещё не успокоился, наверняка заключалась в опасении, что за ней стоят некие скрытые силы, угрожающие Его

Высочеству. Даже если она всего лишь мелкая сошка, риск недопустим. Адъютант считал, что человек, столь преданно и нежно любящий, обязан обладать мягким сердцем.

— Я просто считаю, что вам незачем её притеснять. Она ведь совсем одна, у неё никого нет.

— Джок, — произнёс Тиат, и его чёрные глаза подёрнулись пепельной дымкой.

Адъютанта Джока передёрнуло от такого тона, и он мгновенно умолк.

Пока они молчали, человек на экране наконец пришёл в движение. Она больше не могла терпеть. Лайл сползла с кровати, склонилась к тумбочке, прижала край стакана к губам и, прикладывая усилия, наклонила его, чтобы отпить воды маленькими глотками. Сделав пару глотков, она остановилась. Адъютант заметил, что воды в стакане почти не убавилось, а её губы едва намокли. Она бросила взгляд на хлеб, сглотнула слюну и снова замерла.

Поведение Лайл привело адъютанта в полное замешательство. Через некоторое время она, видимо, от голода, начала беспокойно ходить взад-вперёд по камере. Она ходила и тихонько скулила, то и дело выкрикивая имя Винсента или обращаясь к Тиату на Соланском языке, при этом постоянно поглядывая на камеру в углу.

Никто ей не отвечал.

Тогда она залезла на кровать, встала на цыпочки, чтобы дотянуться до объектива, и осторожно постучала по корпусу камеры пальцами.

Винсент прикурил сигарету. Выдохнув облако дыма, он бросил взгляд на адъютанта:

— Иди посмотри.

Когда адъютант появился в камере, у Лайл чуть не выступили слёзы. Она действительно умирала от жажды и была на пределе. Если бы он опоздал хоть на секунду, она бы уже жадно осушила весь стакан до дна. Адъютант, едва увидев её, заметно занервничал. Они стояли по разные стороны железной решётки и смотрели друг на друга.

Лайл, ухватившись за прутья, смотрела на него сияющими глазами.

— Что с тобой? Тебе где-то нехорошо? — спросил он.

Лайл указала на воду.

— Хочешь пить? — уточнил Адъютант. — Ты можешь просто взять её сама.

Она покачала головой, пару секунд поколебалась, а затем робко коснулась кончиками пальцев его руки, потянув мужчину к себе.

— Ты хочешь, чтобы я тебя покормил? — догадался Адъютант.

Она кивнула.

Поколебавшись, Адъютант всё же открыл дверь, зашёл внутрь, взял с тумбочки бутылку с водой и поднёс к её губам.

Лайл жадно сделала пару глотков, даже поперхнулась, а затем, словно что-то внезапно вспомнив, под изумлённым взглядом Адъютанта прижалась влажными губами к его щеке.

И крепко поцеловала.

Адъютант мгновенно оцепенел. Лайл ласково прижалась к нему лицом.

Так они простояли полминуты, после чего она снова жестом попросила напоить её.

— Ты... я... — мужчина, который выглядел как эталон сдержанности и элитарности, теперь казался совершенно растерянным.

Лайл к этому уже привыкла.

Когда её взгляд переключился на хлеб, Адъютант сразу всё понял.

Он взял кусок хлеба и вытянул руку, чтобы она ела на расстоянии. Он боялся, что Лайл снова выкинет что-то неожиданное, и хотел сохранить безопасную дистанцию.

Наблюдая, как она с хрустом откусывает хлеб, Адъютант поймал себя на странном ощущении, будто он сейчас на рыбалке.

Когда с хлебом было покончено, Лайл, эта маленькая оборванная рыбка, внезапно выпрыгнула из воды и с силой бросилась в объятия Адъютанта.

Она принялась яростно тереться головой о его плечо и при этом не забыла схватить его за руку, направляя ладонь к своей макушке, чтобы он гладил её.

Адъютант продолжал пребывать в ступоре. Похожий на ошарашенного гуся, которого ударили крупной рыбиной, выпрыгнувшей из реки, он со всего размаху ударился головой об угол шкафчика и поморщился от боли.

— Ты... это...

После такого «комбо» он всё больше укреплялся во мнении, что Винсент — человек не самый приятный. Какими же порочными наклонностями нужно обладать, чтобы держать человека

взаперти и так мучить? И правда ли, что его любовь к омегам — лишь дымовая завеса, призванная всех запутать?

Говорят, в тот вечер, когда на Экспериментальной базе случился инцидент, он поссорился со своим женихом-омегой, и тот сломал ему руку. Даже после таких серьёзных травм он решил простить своего партнёра.

Адъютант был в полном замешательстве. Его разум помутился.

К счастью, наевшись и напившись, Лайл больше не совершала никаких резких движений. Она устроилась в его объятиях, словно коала, и, как заевшая пластинка, снова принялась звать Тиата.

— Господин.

— Господин Тиат. — К ней вернулись силы, и голос стал громче, перестав быть таким хриплым, как раньше.

Она звала его долго, но «гусь», который её обнимал, никак не реагировал.

Лайл украдкой закатила глаза, указала на камеру наблюдения и продолжила:

— Господин Тиат, Тиат.

По ту сторону монитора Тиат оставался бесстрастен.

Адъютант поднялся с пола, отстранил её, чтобы привести в порядок, и осторожно спросил:

— Что ты хочешь от господина Тиата? Твоя цель — Тиат?

Лайл с улыбкой кивнула.

— Кто тебя прислал? И что у тебя с волосами и глазами?

Линзы в её глазах ещё не были сняты, а белки немного покраснели. Лайл лишь улыбалась в ответ, храня молчание.

У Адъютанта в ухе был миниатюрный коммуникатор, из которого раздался голос Тиата:

— Продолжай спрашивать. Спрашивай до тех пор, пока она не ответит.

Он решил стоять до конца. Адъютант, вздыхая, повторял одни и те же вопросы, но Лайл реагировала только на имя Тиата.

Глядя на бесхитростную Лайл, его внезапно осенило. Если Господин считает, что её подослали, чтобы навредить принцу Уинтону, то стоит проверить эту догадку.

— Ты знаешь Уинтона?

Лайл внезапно отреагировала. Она даже повторила имя Уинтона на соланском языке. В комнате наблюдения Тиат напрягся.

— Господин Тиат, — она улыбнулась, мягкая, как пушистое облако, и её голос прозвучал очень нежно: — Нравится. Нравится господин Тиат.

Всё вернулось на круги своя; странная реакция на имя Уинтона исчезла так же быстро, как появилась. Она выглядела не иначе как фанатичная поклонница Тиата.

Адъютант вздохнул и доложил Тиату:

— Господин, боюсь, сегодня мы ничего от неё не добьёмся.

После долгой суеты Лайл выглядела очень уставшей. Она широко зевнула, помахала ему рукой и легла на кровать.

Тиат потёр виски и велел ему возвращаться отдыхать. В этот момент зазвонил его Оптиомозг. Увидев, кто звонит, Тиат сузил глаза, сбросил вызов Джок, вышел из комнаты наблюдения и мягко произнёс:

— Алло, Уинтон.

— Доброй ночи, Лайл. — Из вежливости, уходя, Адъютант машинально произнёс эту фразу.

К его удивлению, Лайл внезапно села на кровати, в два прыжка оказалась у двери, коснулась тыльной стороной ладони его руки и сказала:

— Джок. Доброй ночи?

Джок опешил. Откуда она знает его имя?

Она глупо улыбнулась:

— Тиат, доброй ночи, Уинтон, доброй ночи.

Затем она изобразила рукой жест, будто выключает телевизор.

Джок вдруг всё понял:

— Ты увидела это по телевизору?

Будучи адъютантом Господина, он часто появлялся с ним на публике во время интервью.

Лайл лишь улыбнулась.

Джок почувствовал смутение, но в то же время не мог не испытывать любопытства: какую жизнь вела Лайл, какое у неё было прошлое?

Он не удержался и погладил её по голове, со вздохом добавив:

— Ты любишь их? Но ведь Господин и принц сейчас в ссоре... Кажется, дело идёт к расставанию.

В глазах Лайл мелькнул огонёк.

Джок продолжал:

— Даже если они расстанутся, тебе ничего не светит. Их чувства крепки, как сталь.

Лайл сделала вид, что обиделась, развернулась и вернулась на кровать, слушая, как шаги Джoka постепенно затихают.

Хм, ссора — это хорошо, а расставание — ещё лучше. Если их чувства крепки, помириться им будет несложно, ведь она вовсе не собирается их разлучать.

Она пришла, чтобы стать частью этой семьи!

<http://bllate.org/book/21009/2136018>